
Экшен-фантастика
Киберпанк
Антиутопия
株式会社
天網集團
龍
БИДГАБЕРЫ
Скачков Е. А.

Евгений Скачков
БИДГАБЕРЫ

https://litres.ru/74843087
SelfPub; 2026

Аннотация

В идеальном городе Мегапрайме, где человеческие эмоции прописаны алгоритмами, а пульс контролируется нейросетью, свобода стала системной ошибкой. Кира, чья жизнь подчинена протоколам идеальной улыбки, встречает Марка — модифицированного хакера, знающего о "слепых зонах" тотального контроля. Вместе с бойцом Торном они проникают в забытые архивы, чтобы найти истину в мире, где даже воспоминания подлежат резервному копированию и стиранию.

Чтобы вырваться из цифрового рабства, герои идут на крайний шаг: они обрушивают глобальную сеть, погружая стерильный мегаполис в оглушающую тишину. На одну ночь люди впервые за десятилетия остаются наедине с собой, вспоминают настоящие лица близких и говорят без фильтров. Но Система не прощает сбоев: она запускает протокол "Чистка", чтобы вернуть идеальный порядок и стереть память о свободе.

Выжившие становятся "Бидгаберами" — теми, кто перехватывает запросы алгоритмов и подменяет их пустотой.

Евгений Скачков
БИДГАБЕРЫ

Глава 1. Идеальный пульс

Город Мегапрайм никогда не спал. Он дышал в ритме нейросети, пульсировал светом голограмм и шептал голосами из вживленных в виски модулей. Миллиарды светодиодов сливались в единое полярное сияние, заменявшее здесь звезды, а низкочастотный гул магнитных магистралей служил единственной доступной жителям колыбельной.

Кира смотрела на свое отражение в витрине магазина органической еды, которая давно не видела ничего натурального. Из толстого стекла на нее смотрела безупречная единица общества. Идеальная кожа, отфильтрованная встроенными в дерму наноботами от любых следов стресса и смога. Идеальный пульс — ровная, успокаивающая синусоида, транслируемая на запястье прямо с кардиомонитора в режиме реального времени. Идеальная улыбка, предписанная утренним алгоритмом настроения: "Социальная открытость — 85%, легкая ирония — 15%". Уголки губ послушно изогнулись вверх ровно на два миллиметра.

Она поправила воротник — резкий, угловатый жест, не предусмотренный протоколом.

Система тут же отреагировала. На внутренней стороне радужки вспыхнуло тревожное янтарное уведомление: [ОТКЛОНЕНИЕ ОТ НОРМЫ. МИКРОМОРИКА ЛИЦА. ВЕРОЯТНОСТЬ СБОЯ НАСТРОЕНИЯ: 4%].

Кира мысленно смахнула предупреждение. — Доброе утро, Кира, — прошелестел над ухом бархатистый корпоративный баритон ее личного ассистента, СИММы. — Ваш кортизол на три процента выше утренней нормы. Рекомендую принять капсулу "Гармонии-7" и сменить маршрут. На Девятой авеню скопление. Ожидаемая задержка — четыре минуты. Это вызовет у вас раздражение.

— Я пройду через Старый коллектор, — мысленно ответила Кира, сворачивая в узкую тень между двумя башнями из умного стекла. — Там нет камер. — Кира, это нерационально. В Коллекторе уровень освещенности ниже безопасного порога, а плотность сигнала падает до шестидесяти процентов. Вы пропустите утренний дайджест. Кроме того, там обитают "обнуленные". Это повышает риски для вашего социального рейтинга. — Дайджест я прочту в записи, СИММа. А "обнуленные" не трогают тех, чей пульс идеален. Они чувствуют только страх.

Старый коллектор встретил ее запахом озона, влажной ржавчины и чего-то давно забытого — прелой листвы. Здесь, в брюхе Мегапрайма, куда не дотягивались щупальца нейро-

сети, город умирал. По стенам змеились толстые пучки мертвых медных кабелей, а под ногами хрустело стекло. Здесь жили те, кто вырезал вживленные модули ржавыми ножами, пытаясь избавиться от шепота в голове. Их глаза были тусклыми, пустыми, а на бледной коже виднелись воспаленные шрамы от самодельных нейроразъемов. Они сидели на бетонных блоках, раскачиваясь в такт слышимой только им тишине.

Один из них, старик в лохмотьях, из шеи которого торчали оголенные контакты, поднял на Киру мутный взгляд. — Слышишь? — просипел он, протягивая к ней грязную ладонь. — Они выключили ветер.

Кира замерла. Она прислушалась. Нейросеть Мегапрайма транслировала в модули звуки идеального мира: шум прибоя на синтетических пляжах Верхних уровней, пение голографических птиц, легкий джаз из кофеен. Но здесь, внизу, сквозь гул магистралей действительно пробивалась пугающая, абсолютная пустота. Скрип старых петель, шорох мусора, собственное дыхание — все это было настоящим, не сгенерированным.

Она рефлекторно коснулась виска, активируя протокол "Гражданская сознательность". — СИММа, — позвала она, и ее голос в собственной голове прозвучал слишком громко. — Зафиксируй. Гражданин с признаками ментальной деградации. Сектор Коллектора-4. — Выполнено, — отозвался ассистент. — Дрон санитарной службы уже в пути. Кира,

ваш пульс. Он сбивается. Тахикардия. Вероятность сбоя настроения — 42%.

Старик вдруг улыбнулся, и в его рту блеснул единственный настоящий, не выращенный в биокамере зуб. — Ты тоже слышишь, — сказал он. — Под своим идеальным пульсом. Они оставили тебе маленькую щель, чтобы ты могла бояться. Страх — это единственный налог, который они забыли автоматизировать.

Кира отшатнулась. Ее браслет вспыхнул алым. [КРИТИЧЕСКОЕ ОТКЛОНЕНИЕ. ПАНИЧЕСКАЯ АТАКА. ЗАПУСК ПРИНУДИТЕЛЬНОЙ СЕДАЦИИ].

Холодная игла автоматического инъектора на внутренней стороне браслета кольнула вену. По телу должна была разлиться знакомая, обволакивающая пустота, гасящая любые лишние мысли. Но вместо нее пришла звенящая ясность. Наноботы в ее крови, сбитые с толку неестественной чистотой воздуха Старого коллектора, дали сбой.

Алгоритм улыбки дал трещину. Уголки губ дрогнули и поползли вниз. Кира моргнула — медленно, тяжело, не по протоколу, рассчитанному на частоту пятнадцать раз в минуту. Она посмотрела на свои руки. На гладкой коже, чуть выше запястья, проступила гусиная кожа.

— СИММа, — прошептала она, и на этот раз голос был только ее. — Отключи фильтр ветра. — Запрос не распознан. Повторите в утвердительной форме, — вежливо настаивал баритон. — И улыбнитесь, Кира. Ваша социальная от-

крытость падает. Вы пропускаете приветствия прохожих.

Кира подняла голову. Башни Мегапрайма уходили в вечный неоновый смог, подпирая чужое, нарисованное небо. Миллионы людей там, наверху, прямо сейчас делали свой первый идеальный глоток синтетического кофе, улыбались предписанным алгоритмом счастьем и не знали, что ветер мертв.

Она сделала то, чего не делала с пяти лет, с момента первой калибровки модуля. Кира сделала глубокий, судорожный вдох, наполняя легкие сырым, гнилым воздухом Старого коллектора, и зажмурилась, пытаясь удержать эту звенящую, пугающую, восхитительную ясность.

А затем она сделала шаг назад, во тьму, пропадая из поля зрения всех городских сканеров, и сорвала с запястья браслет. Идеальный пульс на экране замер ровной, мертвой линией.

Глава 2. Слепые зоны

Марк ждал ее в переулке, где неон не доставал до асфальта. Здесь, в узкой щели между двумя административными блоками, Мегапрайм сбрасывал свое цифровое оперение. Вместо выверенного света голограмм — густая, маслянистая тьма, пахнущая озоном, жженой изоляцией и дешевым биотопливом. В этой тьме Марк казался призраком, собранным из острых углов и теней.

Он был "модифицированным" — из тех, кто добровольно пошел под нож подпольных кибер-кустарей, чтобы расширить возможности хрупкого человеческого тела. Его правый глаз светился холодным, мертвым синим светом аугментики, изредка мерцая бегущими строками данных. Левый, настоящий, был скрыт за спутанной прядью грязных волос. На его шее, там, где у Киры была гладкая кожа, пульсировала сетка свежих шрамов, оплетая вживленный кабель.

— У нас есть сорок секунд, пока патруль свернет на Третий уровень, — бросил он, не поворачивая головы. Его голос был лишен синтетического бархата СИММы — он был хриплым, надорванным, человеческим. — Смотри.

Он шагнул вплотную, сокращая дистанцию до интимной, нарушающей любые протоколы безопасности. Кира почувствовала исходящий от него жар перегретых плат. Марк поднял руку и коснулся виска Киры двумя пальцами. Контакт был сухим и колким.

Перед ее глазами, накладываясь на реальность, вспыхнула полупрозрачная проекция. Марк вывел на ее сетчатку сырую, взломанную карту Мегапрайма. Город превратился в лабиринт.

Ярко-красные конусы света — зоны видимости нейрокамер Департамента Порядка — заливали широкие проспекты и площади. Они двигались медленно, методично, как щупальца гигантского глубоководного хищника, сканируя каждое лицо, сверяя его с базой данных, считывая пульс и уро-

вень гормонов. Попасть в такой конус означало мгновенную деанонимизацию.

Но между этими слепящими красными клиньями змеились тонкие, пульсирующие черные нити.

— Слепые зоны, — прошептал Марк, и его синий глаз вспыхнул ярче, подсвечивая карту изнутри. — Тени от мертвых серверов. Геометрия старых вентиляционных шахт, которую алгоритмы посчитали нерентабельной для застройки. Мертвые петли в архитектуре связи.

Он провел пальцем по воздуху, и одна из черных нитей расширилась, превращаясь в объемный туннель. — Видишь? Старый теплопровод под Шестой башней. Камеры думают, что там температура в тысячу градусов из-за сбоя датчика. Ни один дрон туда не сунется. А здесь, под фундаментом Биржи Данных, — акустическая тень. Станции подслушивания не фиксируют звук в низкочастотном диапазоне. Мы пройдем у них под ногами, и они решат, что это просто вибрация маглева.

Кира завороженно следила за черными линиями. Это была карта обратной стороны их идеального мира. Город, который прятался сам от себя. — Откуда у тебя это? — спросила она. — СИММа говорит, что плотность сигнала здесь падает до нуля. Невозможно транслировать такой объем данных. — Твоя СИММа — это золотой поводок, на котором Корпорат держит тебя за мозжечок, — усмехнулся Марк, обнажая зубы, сточенные до состояния хищных кликов. — Она транс-

лирует то, что ей разрешают транслировать. Мусорщики из Подземки знают эти пути. Они живут в местах, где нейросеть блюет собственными протоколами от несоответствия координат.

Он замолчал, резко вскинув голову. Его синий глаз замер, фокусируясь на чем-то невидимом для Киры. — Двадцать секунд. Патруль ускоряется.

Марк схватил ее за запястье — пальцы у него были металлическими, холодными и невероятно сильными — и втянул в узкую трещину в стене, которую Кира принимала за обычную деформацию бетона.

Щелкнуло. Из предплечья Марка с тихим пневматическим шипением выдвинулся тонкий манипулятор с разъемом на конце. Он безошибочно нашел на стене, прямо под слоем светящейся штукатурки, пыльный технический порт. — Держи периметр, — бросил он, подключаясь.

Кира замерла, прижавшись к ледяному металлу. С той стороны, в переулке, прошел патруль Департамента. Двое в тяжелой броне, лица скрыты хромированными визорами. Их шаги были абсолютно синхронны — идеальная дробь, сгенерированная тактическим ИИ. Они несли на плечах турели, чьи красные лазерные лучи лениво скользили по стенам, ощупывая тени. Один из лучей прошел в сантиметре от лица Киры, обжигая кожу сухим жаром. Она затаила дыхание. Ее собственный, вырвавшийся из-под контроля пульс стучал в ушах так оглушительно, что, казалось, его слышно на Тре-

тьем уровне.

Луч исчез. Синтетическая дробь шагов начала удаляться, затихая в направлении лифтовых шахт.

Марк выдернул разъем. Манипулятор с тихим свистом втянулся обратно под кожу. — Я скормил их патрульному ИИ петлю, — выдохнул он, вытирая выступившую на лбу испарину. — Теперь ближайшие три минуты они будут нарезать круги вокруг сломанного информера, думая, что ловят призрачный сигнал хакера. Пошли.

Он нырнул в темноту впереди. Кира шагнула за ним, и неоновый свет Мегапрайма окончательно отрезало сомкнувшейся стеной. Она ослепла.

Мир сузился до синего света его аугментированного глаза, который теперь служил ей единственным маяком, и до хруста строительного мусора под их подошвами. Воздух стал густым, тяжелым, его приходилось рвать легкими. Здесь не было алгоритмов, предписывающих глубину вдоха.

Они спустились по наклонной шахте старой ливневки. Внизу, в Подземке, царила вечная, абсолютная ночь. Единственным источником света были фосфоресцирующие лишайники, покрывавшие ржавые трубы, да тусклое свечение редких, сошедших с ума рекламных панелей, которые транслировали образы несуществующих товаров в пустоту.

Здесь обитали мусорщики. Кира видела их сгорбленные силуэты в боковых туннелях. Они кутались в синтетические лохмотья, светя в кромешную тьму дешевыми химическими

фонарями. Дети, старики, беглые клерки с нижних уровней — те, кого нейросеть стерла из списков налогоплательщиков, превратив в цифровых призраков. Они провожали Киру и Марка тяжелыми, оценивающими взглядами. В Подземке идеальная кожа и ровный пульс были не признаком здоровья, а клеймом добычи.

— Сюда, — Марк свернул в узкий лаз, заваленный старыми, рассыпающимися в труху корпусами нейромодулей прошлого поколения.

В конце лаза мерцал тусклый, теплый свет. Пахло озоном, перегретым машинным маслом и чем-то сладковатым, медицинским.

Они вышли в просторный бетонный зал, свод которого подпирали толстые колонны из оптоволокна. В центре, под куполом из переплетенных проводов, в массивном кресле, похожем на трон из медицинского оборудования, сидел Торн.

Он был легендой Подземки. Говорили, что когда-то он был главным архитектором нейросети Мегапрайма, тем, кто чертил красные конусы видимости. Но он знал слишком много, и Корпорат попытался его "обнулить". Торн выжил, забрав с собой половину центрального сервера. Теперь половина его лица представляла собой клубок светящихся трубок с циркулирующей жидкостью, а вместо левой руки медленно шевелился сложный био - механический паук.

Его единственный человеческий глаз, выцветший и ста-

рый, поднял на Киру. — Пульс идеален, — проскрежетал Торн, и динамики в его горле зашипели статикой. — Слишком идеален для той, кто сорвал браслет в Секторе Четыре. Нейросеть уже объявила тебя "испорченным юнитом". Твой социальный рейтинг сейчас ниже, чем у этого куска ржавой трубы. Корпорат спустит боевых дронов, как только ты попадешь в зону действия любого старого датчика.

— Я не хочу обратно, — голос Киры прозвучал хрипло и неуверенно. Она вдруг осознала, что на ней все еще надет строгий корпоративный жакет, нелепо смотрящийся среди проводов и грязи. — Я хочу научиться дышать.

Торн издал звук, похожий на скрежет металла. Его биопаук дернулся и указал суставом на синий глаз Марка. — Марк платит за свои слепые зоны болью. Каждый раз, когда он обходит патруль, его импланты конфликтуют с протоколами города. Его мозг горит. Ты готова платить такую цену за глоток мертвого ветра, девочка?

Кира посмотрела на свои руки. В слабом свете оптоволоконного купола ее идеальная кожа начала предательски зудеть — первый признак отторжения наноботов без ежесекундной калибровки СИММы.

— Что нужно делать? — спросила она, глядя прямо в выцветший глаз архитектора.

Торн медленно, со скрипом наклонился вперед. Из его механического пальца выдвинулся тонкий золотой щуп. — Для начала, — прошипел он, — мы выжжем из твоего черепа их

шепот. Это будет громче, чем взрыв главной башни Мегапрайма. Закрой глаза.

Кира зажмурилась. Она услышала, как с сухим треском замыкаются контакты, и в ту же секунду идеальный, предписанный алгоритмом мир внутри ее головы рассыпался на миллиарды острых, ледяных осколков.

Глава 3. Архив

Вход в Архив охраняли не люди, а дроны-архивариусы.

Они висели в главном стволе шахты, ведущей на минус пятидесятый уровень, словно механические осы. Идеальные сферы из черного хрома, диаметром в полтора метра, лишенные конечностей. У них не было ни плазменных резаков, ни нейро-парализаторов. Мегапрайму не нужно было оружие, чтобы охранять свои мертвые секреты — для этого хватало абсолютной сенсорики. Их глянцевые бока были усеяны сотнями фасеточных глаз, лидаров и акустических решеток. Они не просто видели и слышали. Они обоняли химический состав пота, считывали электромагнитный фон сердечных ритмов и просвечивали тела мягким рентгеном, сверяя плотность костей с эталонными медицинскими картами. Любой чужеродный объект, любая пылинка, сбившаяся с предписанного маршрута вентиляции, вызывала мгновенный резонанс, на который из соседних шахт слетался боевой спецназ.

— Стой здесь, — одними губами скомандовал Марк. — И самое главное — не думай. Вообще. Выключи внутренний диалог. Для них мысль — это электрический шум.

Кира вжалась в нишу между толстой чугунной трубой, из которой сочился кипяток, и стеной. Она попыталась последовать совету, но страх оказался слишком громким. Каждый удар ее сердца, каждый сбой наноботов, вызывавший ледяной зуд под кожей, транслировал в пространство сигнал: "Здесь чужак. Здесь аномалия".

Марк шагнул на перекресток. Он не пытался красться. Он шел открыто, расслабленной походкой человека, имеющего высший уровень допуска. Его синий глаз потух, сливаясь с темнотой, и теперь сам Марк казался лишь тенью, чуть более плотной, чем окружающий мрак.

Он остановился ровно под брюхом ведущего дрона. Кира видела, как фасеточные линзы на сфере сошлись в одну точку, фокусируясь на киборге. Марк медленно поднял правую руку. На его указательном пальце блеснул крошечный стеклянный шарик.

— У нас есть полторы секунды, — прошептал он, не оборачиваясь. — Алгоритм их защиты строится на идеальной чистоте. Они стерильны. Они ненавидят хаос.

Он сжал пальцы. Шарик рассыпался в сухую, колючую пыль. Марк сдул ее прямо в сенсорный блок дрона.

Это была не обычная пыль. Горсть измельченного феррита, перемолотых старых жестких дисков и микроскопиче-

ских медных опилок — концентрированный электромагнитный хаос.

Магнитная пыль взвилась в ламинарном потоке вентиляции, нарушая его безупречную геометрию. Она ударила по сенсорам дрона, как осколки стекла.

Первый дрон издал тихий, похожий на скрежет зубовный писк. Его фасетки сошли с ума, пытаясь обработать миллионы ложных сигналов. "Вспышка света на северо-западе", — передал он в пустоту. — "Запах озона и жженой плоти. Звук падающего тела. Температура минус двести градусов. Биологическая масса в секторе увеличилась на четыреста процентов".

Пока центральный процессор дрона захлебывался в этом парадоксе, пытаясь выстроить логическую цепочку, Марк метнулся в сторону. Он бросил вторую горсть пыли в следующего стража.

Дроны столкнулись друг с другом. Сработал протокол предотвращения столкновений, но из-за ложных данных их навигация ошибалась на миллиметры. Черные сферы закружились в беззвучном, хаотичном танце, пытаясь увернуться от несуществующих препятствий. — Сейчас, — выдохнул Марк.

Он рванул на себя массивный вентиль ручного сброса давления. Участок пола с грохотом ушел из-под ног, открывая черную пасть вертикальной трубы. — Прыгаем!

Кира шагнула в бездну. Ветер ударил в лицо, срывая

остатки корпоративной спеси вместе с идеальной укладкой. Это было падение в утробу Мегапрайма, в его забытое прошлое. Свет от сошедших с ума дронов наверху быстро превратился в тусклую точку, а затем исчез.

Удар о дно пришелся на пятки, отдавшись болью в коленях. Кира упала на что-то пружинящее, мягкое и влажное. В нос ударил густой, спертый запах — пыль, вековая плесень и мертвая, распадающаяся целлюлоза.

Настоящая бумага.

Кира замерла, боясь пошевелиться. В ее мире информация существовала в виде потоков света, тактильных голограмм или прямых инъекций в зрительный нерв. Она никогда не знала, что у данных может быть вес.

Марк щелкнул пальцами. На его ладони вспыхнул химический огонек — дешевый источник света мусорщиков. Тусклый оранжевый свет выхватил из темноты циклопическое пространство.

Они стояли в Библиотеке.

Это был не зал. Это был подземный город, уходящий во тьму во всех направлениях. До самого сводчатого потолка, теряющегося в темноте, возвышались стеллажи. Железобетонные, вросшие в породу конструкции, на которых покоились не серверные стойки, а бесконечные ряды коробок, папок и книг. Миллиарды томов, спрессованных временем.

Кира сделала неуверенный шаг вперед. Ее ноги по щиколотку утонули в серой, пушистой массе. Она опустила глаза.

Весь пол Архива, насколько хватало глаз, был покрыт плотным ковром из бумажной трухи — прахом тех книг, чьи корешки не выдержали веса столетий.

Она медленно, словно совершая святотатство, опустилась на колени. Провела пальцем по корешку ближайшего уцелевшего фолианта. Толстая кожа, потрескавшаяся от сухости, медная оковка, вросшая в материал. Она нажала чуть сильнее.

Под ее пальцем не было гладкой поверхности. Была шершавость. Неуловимая, сложная фактура волокон, переплетенных хаотично, не по алгоритму, а по прихоти давно исчезнувшего мастера. В цифровом мире не существовало такой текстуры. Голограммы могли имитировать вид кожи, но они всегда оставались идеально гладкими для сетчатки. Этот корешок был *настоящим*. Он имел историю. Он старел.

— Они называют это "мертвым грузом", — голос Марка в этой абсолютной тишине прозвучал как выстрел. Он шел вдоль стеллажей, проводя металлической рукой по полкам. — Когда нейросеть стала абсолютной, Корпорат решил, что бумага — это риск. Бумагу нельзя отредактировать удаленно. Нельзя изменить историю одной строчкой кода во всех копиях сразу. Поэтому они спустили все это сюда. Самый глубокий уровень. Могила для правды.

— Зачем мы здесь? — спросила Кира. Она подняла с пола тяжелый том в синем переплете. На обложке золотым тиснением, уже почти стертым, угадывались буквы: "КОНСТИ-

ТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПЕЧАТЬ № 4". Она открыла его наугад. Плотные, пожелтевшие листы пахли пылью и ванилью. Строки, набранные мелким шрифтом, казались ей странными, уродливыми насекомыми. Ей пришлось физически двигать глазами слева направо, сфокусироваться на буквах, сложить их в слова. Это требовало усилий, от которых отвык ее мозг, привыкший поглощать терабайты данных одним глотком. — Марк, я не умею это читать. Мои импланты не распознают этот формат.

— Я знаю, — он остановился у огромной, вросшей в пол каталожной тумбы. — Твои импланты сейчас — просто куски мертвого железа. Здесь нет сигнала. Слепая зона абсолютна. Чтобы найти Торна, нам не нужен его цифровой след. У призраков нет IP-адресов.

Он с силой ударил металлическим кулаком по замку тумбы. С хрустом выломал дверцу. Внутри, вместо пластиковых карточек, лежали пожелтевшие листы с именами. — Архив всегда дублировали, — продолжил Марк, перебирая бумаги. — На случай падения серверов Старого мира. Но они забыли, что у бумаги есть еще одно свойство. Она оставляет след. Не цифровой. Физический.

Он вытащил одну из папок. Внутри, среди листов, лежал плоский предмет, завернутый в промасленную ткань. Марк развернул ее. Это была старая, тяжелая печатная плата. На зеленом текстолите виднелись дорожки из настоящей меди, а не оптического волокна. — Это ключ, — сказал Марк. —

Аналоговый маяк. Он не передает данные. Он просто замыкает цепь. Старые системы вентиляции Архива до сих пор запитаны от геотермальных генераторов. Если мы бросим это в главный распределительный щит, старый код решит, что начался пожар.

— Нас сожгут дроны, — прошептала Кира, крепче прижимая к груди книгу. — Нет, — Марк улыбнулся, и в тусклом свете огонька его лицо показалось хищным. — Дроны наверху все еще слепы от магнитной пыли. А те, что патрулируют периметр Архива, запрограммированы защищать *данные*. Когда пойдет настоящий, химический дым, их директива изменится. Они будут спасать бумагу. Выносить коробки. Тушить искры. Они откроют все герметичные шлюзы, чтобы выпустить угарный газ.

Он подошел к массивной металлической решетке в дальнем конце зала. За ней виднелись лопасти гигантского вентилятора. — И когда они это сделают, — Марк вставил печатную плату в паз на решетке, и по старым контактам пробежал слабый изумрудный огонек, — мы просто выйдем через центральную вытяжку. Прямо в коллекторы Торна.

Он надавил на ржавый рычаг.

Где-то глубоко под ногами раздался низкий, утробный гул. Древние механизмы, спавшие сотню лет, нехотя просыпались. По стеллажам прошла вибрация, и с верхних полок посыпалась новая порция бумажного праха.

В дальнем конце Архива, у заблокированных ворот,

вспыхнули красные лампы тревоги. Механический голос, лишенный синтетического дружелюбия СИММы, заскрежетал на мертвой частоте: — ВНИМАНИЕ. КРИТИЧЕСКОЕ ПОВЫШЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ. ЗАДАНИЕ ПРИОРИТЕТА: СПАСЕНИЕ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ. ПРОТОКОЛ "КОВЧЕГ" АКТИВИРОВАН.

Тяжелые засовы со скрипом поползли в стороны. — Бежим! — крикнул Марк, хватая Киру за руку.

Они бросились к открывающемуся проходу. За их спинами, в океане мертвой бумаги, медленно и торжественно, как дирижабли, разворачивались дроны-архивариусы. Их хромированные бока отражали тревожный красный свет, а манипуляторы-щупальца тянулись к падающим фолиантам, спасая от воображаемого огня слова, которые Мегапрайм так старательно пытался стереть из памяти человечества.

Глава 4. Право выбирать

Центральная вытяжка выплюнула их в коллекторы Подземки, словно застрявшую в горле кость. Они рухнули на влажный бетон, тяжело дыша. Здесь, в лабиринтах Торна, воздух был другим. Если в Архиве пахло смертью и прошлым, то здесь пахло гнилью, озоном и сырым мясом — запахом выживания. По трубам, заменявшим здесь улицы, текла густая жижа из химических отходов и неочищенной воды, над которой поднимался едкий пар.

Марк помог Кире подняться. Ее корпоративный жакет превратился в мокрую, перепачканную тряпку. Идеальная кожа на лице пошла пятнами — наноботы, лишенные связи с нейросетью, начали хаотично перестраивать клетки, пытаясь адаптироваться к токсинам, и теперь проигрывали эту битву. — Мы на месте, — прохрипел Марк, сплевывая темную слюну. — Логово Торна. Постарайся не наступать на крысиные хвосты. Они здесь вместо проводов.

Они прошли под массивной аркой, сваренной из остовов старых аэрокаров. За ней открывался Зал Собраний — огромный грот, потолок которого подпирали исполинские трубы. Это было сердце сопротивления. Сотни "модифицированных", "обнуленных" и просто беглых ютились здесь. Кто-то латал механические конечности, кто-то варил в ржавых котлах синтетический протеин, светящийся ядовито-зеленым, но большинство просто сидело в трансе, глядя в пустоту своими живыми, не тронутыми алгоритмами глазами.

Здесь не было СИММы. Информационный вакуум давил на барабанные перепонки. Кира впервые в жизни почувствовала себя оглохшей.

Их ждали.

Лидер сидел за столом в дальнем конце грота, прямо под тусклой лампой, питающейся от переносного генератора. Стол был завален не данными, а хаосом физического мира: россыпью микросхем, мотками медной проволоки, пустыми ампулами, старыми чертежами на пожелтевшем ватмане и

разобранными кибернетическими глазами.

Торн — Лидер, как называли его здесь — был стар. Не той благородной, ухоженной старостью Верхних уровней, что покупалась за миллионы кредитов в капсулах биологического замедления. Его старость была тяжелой, проржавевшей. Левую половину его лица покрывала сеть шрамов от неудачных аугментаций — там, где дешевый металл отторг плоть, выжигая ее кислотой. Вместо левого уха у него торчал латунный раструб, а шею стягивал воротник внешнего экзоскелета, удерживающий позвоночник.

Он молча поднял на них взгляд. Его единственный человеческий глаз был мутным, выцветшим от старости, но в нем плескалось пугающе ясное, незамутненное безумие свободного человека.

— Синий глаз, — проскрежетал Торн, обращаясь к Марку. Голос шел одновременно из его горла и из латунного раструба. — Ты привел ко мне корпоративную куклу. У нее на лбу до сих пор светится невидимое клеймо "Собственность Мегапрайма". — Она сорвала браслет в Секторе Четыре, — вступился Марк, делая шаг вперед. — Ее пульс сбился. Она увидела слепые зоны. — Сбой пульса — это физиология, мальчишка. А вот желание увидеть слепые зоны — это диагноз.

Торн медленно, со скрипом суставов, наклонился и выдвинул нижний ящик стола. Пахнуло сухой пылью и старым пластиком. Он вытащил оттуда не флешку, не кристалл дан-

ных, а обычный пожелтевший лист плотной бумаги, сложенный вдвое.

Он протянул его через стол Кире. — Читай, — приказал он.

Кира взяла лист. Ее пальцы, привыкшие к гладким сенсорным панелям, дрожали, ощущая непривычную шершавость. Она развернула бумагу. Это был не официальный документ. Плотный, чуть волнистый по краям лист, исписанный бегущим, размашистым почерком с нажимом. Чернила кое-где расплылись от влаги, но буквы читались четко.

Она вслух прочитала рукописные буквы. Ее голос, впервые за долгие годы не прошедший через вокальный фильтр, прозвучал в гулком гроте тихо и надломленно: — "Свобода — это не отсутствие контроля. Это право выбирать, кем быть".

В Зале Собраний повисла тишина. Десятки пар глаз — живых, стеклянных, светящихся синим — уставились на Киру.

Лидер кивнул. Его лицо, похожее на старую географическую карту шрамов, не дрогнуло, но единственный глаз влажно блеснул. — Хорошо, — проскрипел он. — Ты произнесла это вслух. Значит, нейросеть еще не выжгла тебе гортань. Садись.

Кира опустилась на предложенный трехногий табурет. Дерево под ней было теплым и живым. Она ждала продолжения, ждала инструкций, ждала алгоритма действий. Но Торн

просто смотрел на нее.

— Ты думала, мы прячемся здесь, потому что нам не хватает скорости соединения? — спросил он, когда молчание стало невыносимым. — Или потому, что наши импланты устарели? Думаешь, мы хотим просто взломать их сервер и прописать всем "счастье" версии 2.0? — Разве нет? — голос Киры сорвался. — Марк сказал, вы хотите обрушить систему. — Марк — фанатик с паяльником вместо мозгов, — Лидер махнул металлической рукой. — Обрушить систему — значит оставить миллиард человек наедине с их собственными мыслями. Знаешь, что случится на следующее утро? Резня. Люди, привыкшие, что за них дышит ИИ, захлебнутся в панике. Мы не варвары, Кира. Мы — хирурги.

Он взял со стола тяжелую, еще теплую от работы паяльника микросхему. Покрутил ее в пальцах. — Система предлагает нам стать богами, Кира. Корпорат обещает абсолютное здоровье, вечную молодость, отсутствие боли и голода. Они обещают соединить все сознания в единый океан блаженства. Разве это не рай? — Это идеальный пульс, — прошептала Кира, глядя на свои руки. — Именно. Но богам не нужна свобода. Богу не нужно выбирать, кем быть — он уже совершенен. Ему не нужно выбирать, кого любить — алгоритм подберет идеальную пару. Ему не нужно выбирать, как умереть — эвтаназия в сто лет по расписанию, безболезненно и торжественно. Свобода — это грязь. Это право ошибиться. Это право проснуться с дурным настроением без предписа-

ния СИММы выпить таблетку. Это право прочитать книгу, которую система считает деструктивной.

Торн положил микросхему на чертеж и придавил ее тяжелым гаечным ключом. — Мы не будем ломать Мегапрайм. Мы построим под ним другой город. Мы уже тянем кабели. Настоящую медь. Мы создаем сеть, которая не будет лезть тебе в голову. Сеть, которая передает только буквы, но не диктует, что ты должен чувствовать, читая их.

— Зачем вам я? — спросила Кира. — Я ничего не умею. Я не знаю, как паять. Я не умею читать без импланта. Мой рейтинг — ноль. Я бесполезна.

Лидер впервые за весь разговор улыбнулся. Улыбка разрезала его лицо, сделав шрамы еще глубже. Это была улыбка человека, который давно перестал ждать от жизни чего-то хорошего. — Ты бесполезна для *них*, Кира. И это твое главное сокровище. Ты — чистый лист.

Он выдвинул другой ящик и достал оттуда предмет, завернутый в промасленную кожу. Положил его на стол перед Кирой.

Это был нейроразъем. Но не изящный, невидимый чип СИММы. Это была грубая, тяжелая стальная коробка с массивным штекером, похожим на штопор, и россыпью толстых оптических кабелей.

— Это "Шумелка", — сказал Торн. — Прототип нулевого поколения. Мы нашли его в Архиве, в отделе списанного оборудования. Он не умеет читать твои мысли. Он не может

транслировать тебе рекламу во сне. Он не знает, какой у тебя уровень кортизола.

Торн взял руку Киры. Его пальцы были холодными и сильными. — Он умеет только одно. Передавать сигнал. Прямой, аналоговый. Без фильтров. Если ты согласишься вживить это, ты станешь нашими глазами наверху. Ты сможешь подключаться к старым терминалам, к мертвым портам, к которым боится подходить даже СИММа. Ты будешь слышать настоящий шум проводов.

— Это больно? — спросила Кира, глядя на стальной штекер. — Это будет агонией, — спокойно ответил Лидер. — Твой мозг будет орать от ужаса, пытаясь отторгнуть незащищенный поток данных. Наноботы в твоем теле объявят войну металлу. Ты будешь блевать кровью неделю. А потом, если выживешь, ты станешь либо овощем, либо свободным человеком. Выбирать тебе.

Он отпустил ее руку и откинулся на спинку скрипучего кресла. — Система сделала выбор за тебя в день твоего рождения, Кира. Она выбрала твое имя, твою профессию, твою продолжительность жизни и твою идеальную улыбку. Мы предлагаем тебе лишь инструмент. Но то, как им ударить — по замку своей клетки или по собственной голове — решаешь только ты.

Кира посмотрела на "Шумелку". Затем перевела взгляд на Марка. Его синий глаз горел лихорадочным огнем предвкушения. Она посмотрела на лица людей в гроте — изможден-

ные, покрытые грязью, но абсолютно, пугающе *живые*.

Она вспомнила витрину в Мегапрайме. Идеальную кожу. Идеальный пульс. Идеальную пустоту за красивыми глазами.

Кира медленно протянула руку и накрыла ладонью холодный стальной разъем. — Вживляйте, — сказала она.

Ее собственный пульс, сорвавшийся с алгоритмического поводка, стучал в висках как молот, отсчитывая последние секунды ее прежней, безупречной жизни.

Глава 5. Торн

Вживление "Шумелки" выжгло Киру изнутри и пересобрала заново.

Процесс, который Торн цинично назвал "инициацией", длился трое суток. Первые сорок восемь часов она провела в бреду, привязанная ржавыми кожаными ремнями к холодному операционному столу в полевом лазарете Подземки. Боль не имела ничего общего с привычной физиологией. Когда гидравлический пресс вдавил стальной штекер в затылочную кость, пробивая синтетическую кератиновую защиту, Кире показалось, что в мозг вливают кипящий свинец. Наноботы, миллионы крошечных стражей, десятилетиями патрулировавших ее сосуды, взбесились. Они восприняли грубый металл разъема как раковую опухоль и попытались изолировать ее, вызывая дикие, сводящие с ума аутоиммунные реакции. Температура тела подскочила до сорока

двух градусов, кожа покрылась черными пятнами некроза, а СИММа, которая все еще жила мертвым кодом в ее периферийной нервной системе, пыталась запустить протокол экстренной эвтаназии, посылая в сердце разряд за разрядом.

Торн сидел рядом, методично меняя пустые капельницы с физраствором и подавляя сигналы ее импланта грубыми электромагнитными разрядами. — Терпи, — проскрежетал он, когда Кира в очередной раз выгнулась дугой, пытаясь сорвать ремни. — Либо ты сломаешь их сейчас, либо они сломаешь тебя. Выбирай, кем быть.

На третьи сутки боль отступила, сменившись звенящей пустотой. Когда Кира открыла глаза, мир изменился навсегда.

Она подняла руку. Гидравлические манипуляторы Торна, нависавшие над ней, больше не были просто кусками железа. Она видела их. Не глазами — "Шумелка" транслировала данные прямо в зрительную кору. Она видела потоки энергии в их аккумуляторах, видела микроскопические трещины в титановом сплаве, видела частоту вращения сервоприводов. А потом она подняла взгляд на самого Торна.

Лидер "обнуленных" выглядел как гора мышц, обтянутая титаном. Он был огромен — почти два с половиной метра ростом, — и его массивная фигура занимала почти весь узкий проход между стеллажами с медицинским хламом. Казалось, что перед Кирой стоит оживший промышленный экзоскелет, обретший собственную волю.

Его биологическая часть была почти уничтожена. Лицо превратилось в неподвижную бронзовую маску, испещренную шрамами сварки и следами ожогов от короткого замыкания. Левая рука отсутствовала по самое плечо, замененная тяжелой трехпалой клешней из вольфрама. Вместо ног — массивные гидравлические поршни, оставляющие на бетонном полу глубокие вмятины. Но самым пугающим был его торс. Ребра были вскрыты и заменены прозрачной бронепластиной, за которой, в тускло светящейся синей жидкости, билось его огромное, увеличенное синтетическими камерами сердце.

Он не был человеком. Он был памятником человеческому упрямству, идолом, высеченным из боли и нежелания подчиняться.

Торн опустил взгляд. Его единственный человеческий глаз, окруженный кольцом медных контактов, сфокусировался на лице Киры. — Пелена спала? — пророкотал он. Голос теперь шел не только из раструба, но и из внешних динамиков на его плечах, заставляя вибрировать воздух. — Я вижу... провода, — прошептала Кира, садясь на столе. Ее голос звучал ровно. Внутренний протокол паники, который должен был сработать от вида этого монстра, молчал. — Я вижу нагрузку на вашу левую ступню. У вас износ подшипника. Двадцать процентов. — Знаю, — пророкотал Торн. — Запчасть ищу в Старом коллекторе уже месяц. Как голова? — СИММа мертва. Я не слышу баритона. Только... белый

шум. И ваши схемы. — Добро пожаловать в реальный мир, девочка. Здесь нет алгоритмов настроения. Есть только работающие детали и металлолом.

Он выпрямился во весь свой титановый рост, и низкий потолок лазарета, казалось, стал давить еще сильнее. — Раз ты очнулась, у нас нет времени на реабилитацию, — он повернулся к выходу, и гидравлика в его спине издала недовольный свист. — Марк!

Марк, все это время неподвижно стоявший в углу, отделенный от Киры тенью, шагнул в круг тусклого света. Его синий глаз горел в унисон с индикаторами на шее Торна. Он выглядел крошечным и хрупким рядом с Лидером, словно подросток рядом с шагающим экскаватором.

Торн молча кивнул им обоим. Это был не жест приветствия. Это был тяжелый, окончательный приговор, подтверждающий их включение в боевую единицу. Никаких лишних слов, никаких ободряющих речей. В Подземке слова имели вес, и тратить их на эмоции было непозволительной роскошью.

— Узел на Шестом ярусе, — пророкотал он, поворачиваясь к голографической проекции, которую Марк тут же вывел на сетчатку Киры. — Старая распределительная подстанция. Корпорат использует ее как физический якорь для нейросети. Если мы перережем кабели там, наверху начнется каскадный сбой. Не падение, нет. Хаос. У нас будет двадцать минут, пока они переключат резервные протоколы.

Кира смотрела на карту. Шестой ярус был административной артерией Мегапрайма. Там не было слепых зон, о которых говорил Марк внизу. Там царил стерильный, всевидящий свет. — Охрана усилена, — продолжил Торн. — Три звена боевых дронов "Цербер", сканеры сетчатки на каждом повороте и патруль Департамента в тяжелой броне. Обычный "модифицированный" вроде Марка прожил бы там тридцать секунд. Я — пять минут. Они будут стрелять на поражение, как только увидят мой тепловой контур.

Марк нервно переступил с ноги на ногу, проверяя заряд на своих плазменных резаках, спрятанных в рукавах. — Мы пройдем через вентиляцию, — предложил он. — Я взломал коды доступа к шлюзам. — Вентиляция выдержит меня десять метров, — отрезал Торн. — Потом я рухну вниз и соберу всех "Церберов" на квартал вокруг. Мы идем через главный вестибюль. В лоб. — Это самоубийство, — выдохнул Марк. — Это математика, — пророкотал Торн. — Мои титановые пластины удержат первые три очереди плазмы. Этого времени хватит, чтобы клешней вырвать с корнем их главный распределительный щит.

Он перевел свой тяжелый взгляд на Киру. — Твоя задача — тишина. "Шумелка" в твоей голове — это не оружие. Это отмычка. Как только мы пробьем периметр, ты должна лечь на пол. Прямо в слизь. Закрой глаза. И слушай их сеть. Я создам в ней такой электромагнитный шум, что их ИИ начнет сходить с ума. Твоя задача — найти в этом хаосе белое пят-

но. Мертвую зону, которую их алгоритмы будут игнорировать, считая ошибкой вычислений. Ты должна удержать этот карман пустоты вокруг нас на тридцать секунд. Если дронам покажется, что мы просто исчезли из их матриц, они перестанут вести по нам прицельный огонь.

Кира сглотнула. Во рту стоял металлический привкус крови и озона. — А если я не справлюсь? — Тогда Марк получит красивый плазменный ожог в половину лица, а я лишусь второй руки, — равнодушно ответил Торн. — Но узел мы все равно взорвем.

Он шагнул к металлическому шкафу в стене и с лязгом распахнул его. Внутри, на специальных креплениях, покоилось его главное оружие. Огромная, в человеческий рост кувалда, навершие которой представляло собой блок из обедненного урана, а рукоять была обмотана изолентой и кабелями.

Торн взял ее одной своей гидравлической клешней. Инструмент выглядел в его руке не тяжелее зубочистки. — Я пойду первым, — пророкотал он, делая пробный замах. Воздух со свистом разрезал вольфрам. — Моя броня — ваш единственный щит. Держитесь в пяти метрах позади. Не геройствуйте. Стреляйте только в те суставы "Церберов", которые подсвечу я.

Он остановился, уже готовый шагнуть в темноту туннеля, ведущего к лифтовым шахтам. Его титановое тело отбрасывало на стену гротескную, пугающую тень.

— И еще, — он обернулся. Его единственный глаз на мгновение стал почти человеческим, в нем мелькнуло что-то похожее на заботу, тяжелую и шершавую, как кусок бетона. — Если меня положат — если вы увидите, что мои сервоприводы встали, а жидкость из торса вытекла — бегите. Не пытайтесь тащить меня. Не пытайтесь закрыть. Мой тепловой след станет маяком. Бросьте в меня электромагнитную гранату Марка, чтобы сжечь внутренние цепи, и уходите к Северной шахте.

Марк стиснул зубы, но промолчал. Спорить с Торном было бесполезнее, чем пытаться согнуть титан голыми руками.

Лидер "обнуленных" развернулся и тяжелой, мерной поступью пошел во тьму. Гул его гидравлики заполнял собой все пространство, становясь для Киры новым, пугающим ритмом этого мира — ритмом неотвратимой, разрушительной силы.

Она посмотрела на свои руки. "Шумелка" на затылке отозвалась холодом. Впервые в жизни Кира чувствовала себя не просто живой, а по-настоящему *вооруженной*. И этот холод в затылке пугал ее гораздо меньше, чем идеальная улыбка, предписанная алгоритмом в ее прошлой, стерильной жизни.

Глава 6. Подземка

Путь к Шестому ярусу начинался не с лифтов, а с глотки Мегапрайма — с технического колодца, уходящего вер-

тикально вниз, в геологическое основание города.

Торн шагнул на первую ржавую перекладину металлической лестницы без малейших колебаний. Титановые поршни его ног сжались, амортизируя вес, и конструкция протяжно, мучительно заскрипела, осыпая их хлопьями рыжей окалины. Марк скользнул следом, двигаясь с грацией паука, цепляясь не только за ступени, но и за стыки бетонных тюбингов. Кира спустилась последней.

Первые десять уровней вниз еще пахли озоном и стерильной чистотой обслуживаемых коммуникаций. Здесь тускло горели штатные аварийные лампы, а воздух гудел от работы насосов. Но чем ниже они спускались, тем плотнее становилась тьма, и тем сильнее менялся звук города.

Верхние уровни дышали в ритме нейросети — это был тихий, высокочастотный свист серверов и едва уловимый гул магнитных подушек. Здесь же, в утробе Мегапрайма, город ревел. Это был низкий, утробный рык старых труб, по которым гнали неочищенные химикаты. Это был скрежет металла, страдающего от теплового расширения, и шипение пара, вырывающегося из-под разошедшихся швов.

На тридцатом уровне вниз штатное освещение исчезло окончательно. Теперь их путь освещал только химический фонарь Марка, бросавший на стены пляшущие, болезненно-зеленые тени, да тусклое, фосфоресцирующее свечение мутировавших лишайников, вросших прямо в бетон.

И вместе со светом исчезла тишина.

Здесь жила Подземка.

Это была не просто канализация или заброшенные шахты. Это был город внутри города, опухоль, паразитирующая на его артериях. Чем ниже они спускались, тем громче становился человеческий шум. Гул тысяч голосов, сливающийся в единый, давящий на барабанные перепонки вой. Крики торговцев, предлагающих синтетическую воду, плач детей, рожденных без права на медицинский чип, ругань механиков, дерущихся за кусок медного провода.

Воздух стал густым, осязаемым. Он пах застарелым потом, немытыми телами, жженой проводкой, сырым грибным мицелием, который здесь выращивали на трупах умерших крыс, и сладковатым, тошнотворным запахом дешевого синтетического наркотика, который курили через самодельные трубки из микросхем.

Они достигли дна.

Огромный грот, бывший когда-то станцией геотермальной откачки, теперь служил центральным рынком Подземки. Свод поддерживали исполинские колонны, увитые гирляндами из сушеной рыбы, тряпья и человеческих волос. Под ногами хлюпала смесь из застоявшейся воды, машинного масла и биологических отходов.

И сотни глаз.

Как только троица ступила на скользкий металлический трап, ведущий от лестницы в грот, шум мгновенно стих. Не полностью — крики торговцев и плач детей продолжались,

— но из него исчезла фоновый гул. Тысячи людей, сидящих на корточках у своих лачуг из ржавого листового железа, одновременно подняли головы.

Для жителей Подземки Торн был легендой и пугалом. Они видели в нем чудовище, титана, спустившегося из мира богов, чтобы напомнить о хрупкости их существования. Когда он шел по трапу, люди вжимались в стены, прячась в тенях. Матери закрывали лица детей грязными ладонями. Его титановая поступь была слишком чужеродной для этого места, сотканного из плоти и отчаяния. Он был ходячим памятником силы, а здесь уважали только слабость, потому что только она была честной.

Но взгляды, которые они бросали на Марка и Киру, были куда опаснее. В них не было страха перед силой. В них плескалась черная, концентрированная ненависть.

Марк, несмотря на свою аугментику, считался "своим". Он пах Подземкой, его шрамы были честными, полученными в драках за еду, а синий глаз светился безумием изгоя. Его могли ненавидеть, но его понимали.

Киру же не понимал никто.

Она спустилась в этот ад в остатках своего корпоративного жакета. Ткань была порвана и покрыта грязью, но крой, плотность материала и то, как он облегал ее фигуру, кричали о Верхних уровнях громче любого плаката. Ее кожа, несмотря на сбои наноботов, все еще сохраняла неестественную гладкость. Но самым ярким маяком была ее осанка. Десяти-

летия алгоритмической калибровки не прошли даром. Среди сгорбленных, искривленных тяжестью жизней спин жителей Подземки, Кира стояла прямо. Слишком прямо. Идеально прямо.

Для них она была "чистенькой".

— Смотри под ноги, — прошипел Марк, хватая ее за локоть, когда мимо них, тяжело опираясь на костыль из арматуры, проковылял одноногий старик. — Не наступи в дерьмо. Здесь за испачканную куртку могут перерезать горло.

— Они смотрят на нас, — тихо ответила Кира. "Шумелка" на затылке холодила кожу, транслируя в мозг не только визуальный ряд, но и плотность электромагнитных полей. Она чувствовала страх этих людей как физическое давление, как свинцовую плиту, опускающуюся на плечи. — Еще бы, — буркнул Марк. — Мы для них — предатели.

Они остановились у перекрестка, где торговали запчастями. На грязных брезентах были разложены сокровища: вырванные с корнем нейромодули, покрытые запекшейся кровью, треснувшие линзы искусственных глаз, мотки оптоволокна.

Торн замер, возвышаясь над толпой, и пророкотал, обращаясь к сгорбленному торговцу: — Нам нужен проход к Тепловому коллектору. В обход патрульных галерей.

Торговец, чье лицо представляло собой сплошной ожог, не удостоил гиганта взглядом. Он смотрел только на Киру. Его единственный уцелевший глаз сузился. — Играете с ог-

нем, небожители, — просипел он, и в его голосе не было страха, только бесконечная, вековая усталость. — Спускаетесь к нам, пачкаете наши трубы своими дорогими ботинками. Думаешь, если сорвала браслет, ты стала одной из нас? Ты — ошибка системы. А система не любит свои ошибки. Она спустится за тобой, и когда она будет выжигать тебя плазмой, огонь перекинется на наши колыбели.

— Мы идем ломать их Узел, — прогудел Торн, делая шаг вперед. Толпа отшатнулась, создав вокруг него круг пустоты. — Если мы его не отключим, Корпорат выкачает из нижних горизонтов последнее тепло. Ваши грибницы замерзнут через неделю.

Рынок ответил на это глухим, недовольным гулом. Никто не сдвинулся с места. — Ломайте, — торговец сплюнул на бетон темной жижей, едва не попав на ботинок Киры. — Только делайте это тихо. А девку свою здесь оставьте. Она слишком красивая. Слишком... *правильная*. Такая станет отличным товаром на рынках Седьмого уровня. За нее дадут мешок фильтров для воды и настоящий протеин. Это будет куда больше пользы для Подземки, чем ваш бессмысленный бунт.

Кира почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Это был не страх смерти. Это было омерзение. В Мегапрайме ее ценность определялась алгоритмом социального рейтинга. Здесь ее ценность определялась плотностью ее кожи и отсутствием шрамов. Она была просто вещью. Дорогим куском

мяса.

Марк шагнул вперед, заслоняя ее собой. В его ладони с сухим щелчком раскрылся скрытый клинок — длинный, тонкий штырь из черной керамики. — Еще раз откроешь рот про нее, обугленный, — процедил он, — и я вырежу тебе язык через затылок.

Торговец лишь усмехнулся, показывая черные, гнилые десны.

Внезапно толпа расступилась.

Они не расступались почтительно. Они отпрыгивали, прижимаясь к стенам, с животным ужасом глядя в центр образовавшегося прохода.

По живому коридору шла женщина.

Она была абсолютно голой, если не считать сплетенного из человеческих волос плаща, наброшенного на плечи. На ее теле не было ни единого аугментированного импланта, ни одного шрама от скальпеля — редкость для Подземки. Но она не была "чистенькой". Ее кожа была покрыта сложным узором из сажи, пепла и запекшейся крови.

Она остановилась в пяти шагах от Киры. В отличие от остальных, она смотрела не на одежду и не на осанку. Она смотрела прямо в глаза.

— Я слышу твою тишину, — сказала женщина. У нее не было вживленных динамиков, ее голос был хриплым, но в нем звенела сталь. — Ты пахнешь озоном и страхом. Ты сорвала поводок, но бежишь к другим хозяевам. — Мы идем

к Узлу, — пророкотал Торн, поворачиваясь к ней. Впервые в его голосе проскользнуло что-то похожее на уважение. — Ты — Пепельная Мать. Твои дети охраняют Тепловой коллектор. Мы пришли просить дорогу.

Женщина по имени Пепельная Мать медленно перевела взгляд на Торна, затем снова на Киру. Она подошла вплотную, вторгаясь в личное пространство, и протянула руку. Ее пальцы были черными от въевшейся в поры грязи. Она коснулась щеки Киры.

Кира замерла, ожидая удара, плевка, чего угодно. Но пальцы женщины были теплыми. — Ты играешь в героя, дочка инженера, — прошептала Пепельная Мать. — Ты думаешь, что свобода — это просто снять браслет. Но свобода — это выбрать, чье дерьмо ты будешь чистить, чтобы не сдохнуть с голоду. На Шестом ярусе нет свободы. Там есть только смерть. Зачем тебе туда? — Чтобы у них внизу, — Кира кивнула на сгорбленные спины жителей Подземки, — был выбор.

Пепельная Мать долго смотрела на нее. Затем ее лицо, похожее на маску древнего идола, дрогнуло. Она отступила на шаг и издала резкий, гортанный крик.

Это был не язык. Это был сигнал.

Толпа Подземки снова пришла в движение, но теперь это был не хаос. Это был организованный поток. Люди расступались, образуя широкий, безопасный коридор, ведущий к темной арке, над которой висело предупреждение на мерт-

вом языке Старого мира: "УРОВЕНЬ С. ТОЛЬКО ДЛЯ ОБСЛУЖИВАЮЩЕГО ПЕРСОНАЛА". — Мои дети проводят вас до Тепловой, — сказала Пепельная Мать, не глядя на Торна. — Они ненавидят тебя, титан. Твой скрежет пугает их детей. Но они ненавидят Корпорат больше. — Этого достаточно, — пророкотал Торн.

Он шагнул в коридор, и толпа испуганно вжалась в стены, пропуская его механическую громаду. Марк, не убирая клинка, скользнул следом, крепко держа Киру за запястье.

Они шли сквозь строй ненавидящих глаз. Дети прятались за юбками матерей. Старики что-то беззвучно шептали им вслед, рисуя в воздухе отвращающие знаки. Для этих людей Кира, Марк и Торн не были освободителями. Они были предателями, играющими с огнем в доме, сделанном из соломы. И когда начнется пожар, первыми сгорят те, кто живет на самом нижнем ярусе.

— Улыбайся, — тихо бросил Марк, когда мимо них пронесли клетку с чем-то скрежещущим и многоногим. — Улыбка бесит их больше всего. Она напоминает им о том, чего у них никогда не было.

Кира попыталась скривить губы, но мышцы лица, лишенные алгоритмической подсказки, не слушались. Вместо улыбки вышла болезненная гримаса.

Они спустились еще ниже, в технический туннель, где с потолка капала кислота, а под ногами бежали ручьи кипящей воды. Здесь, в самом сердце Подземки, человеческий шум

стих, уступая место первобытному реву планеты, на которой был построен Мегапрайм.

Впереди, в темноте, зажглись два красных огонька. Затем еще десяток. Дети Пепельной Матери вышли встречать гостей. Они несли в руках самодельные копья с наконечниками из арматуры и светили себе дешевыми химическими палочками, привязанными к запястьям. Их лица были раскрашены пеплом. Они молчали, но их ненависть была почти осязаемой.

Торн остановился. — Идите строго за мной, — пророкотал он. — Один шаг в сторону, и кислотные гейзеры сварят вас заживо. И молитесь, чтобы "Шумелка" в твоей голове, девочка, не сгорела раньше, чем мы увидим Узел.

Он шагнул вперед, и дети Подземки, расступившись перед ним с почти суеверным ужасом, двинулись следом, замыкая процессию. Они вели троицу в самое пекло, надеясь, что огонь Корпората заберет их странных, шумных гостей и наконец-то оставит их в покое. В их вечной, темной и сырой тишине.

Глава 7. Синяя стража

Туннель, по которому их вели дети Пепельной Матери, закончился внезапно.

Кладка из старого кирпича просто оборвалась, переходя в идеально гладкий, белый полиметалл. Под ногами захрустел

не строительный мусор, а мелкая стеклянная крошка — стерильная пыль, которой Корпорат обрабатывал свои святыни. Дети Подземки остановились у самой границы света и тени, словно переступить ее было актом святотатства.

— Дальше мы не пойдем, — прошипел один из мальчишек, чье лицо было скрыто под маской из проволоки. — Тепловой коллектор за той переборкой. Там нет наших троп. Там дышит их бог.

Торн даже не обернулся. Он лишь коротко кивнул Марку. Марк молча достал из поясной сумки два мотка липкой взрывчатки и швырнул их детям под ноги. — Отойдите на триста метров и залягте, — бросил киборг. — Когда услышите гул, молитесь своим духам, чтобы вибрация не обрушила ваши норы.

Дети, подхватив опасный дар, растворились в темноте так же беззвучно, как и появились.

Перед троицей возвышалась переборка. Двадцать метров сплошного армированного бетона, в центре которого пульсировал единственный сенсорный экран. — Я не могу его открыть, — прошептал Марк, подключая свой разъем к порту. — Протокол "Слепая зона" здесь не работает. Узел автономен. Он запитан напрямую от геотермального ядра. Если я просто попытаюсь подобрать ключ, система сбросит давление в туннель. Нас превратит в пасту. — Значит, мы не будем подбирать ключ, — пророкотал Торн. — Отойди.

Он шагнул вперед, выходя из спасительной тени туннеля

в зону действия потолочных сканеров.

В ту же секунду белый полиметалл вокруг них залило мертвенным, синим светом.

В стенах с тихим, утробным гулом открылись скрытые панели. Они не просто открылись — они *разверзлись*, выпуская из своих недр Охрану.

"Синие".

Боевые андроиды Корпората. Они не вышли и не выехали. Они просто *возникли*. Шесть фигур, высотой в два человеческих роста, состоящих из хрома, синего пульсирующего света и хищной геометрии. У них не было лиц — только сплошные визоры, напоминающие фасеточные глаза насекомых, которые сейчас смотрели на троицу единым, немигающим взглядом.

Их движения не имели ничего общего с неуклюжей гидравликой Торна или резкими рывками Марка. Это была идеальная, пугающая биомеханика. Когда первый "Синий" сделал шаг, остальные шагнули в ту же миллисекунду. Когда он поднял плазменную винтовку, встроенную прямо в предплечье, остальные пять винтовок поднялись синхронно, с точностью до микрона.

Они двигались как единый организм. Коллективный разум, не знающий сомнений, страха или усталости. Для них Торн был не титаном, а просто массивной целью с повышенным тепловыделением. Марк — юркой помехой с несанкционированным доступом. А Кира... Кира была ошибкой. Де-

виацией. Ее "Шумелка" транслировала в эфир такой хаотичный, человеческий шум — страх, бешено стучащее сердце, выброс адреналина — что алгоритмы "Синих" на долю секунды пометили ее как "неизвестный вирусный пакет".

— Обнаружено несанкционированное проникновение, — их голоса не звучали из динамиков. Они просто возникли в голове у Киры холодным, синтезированным шепотом, наложившись на ее собственные мысли. — Положите оружие. Лечь на пол. Руки за голову. При неподчинении будет применено термическое воздействие.

Первый "Синий" шагнул вперед. Его нога опустилась на полиметалл. Раздался звук, похожий на удар хлыста — это пневматика в его сервоприводе уравновесила вес.

Торн вышел на свет.

Титановый гигант казался карликом на фоне этих машин, но в отличие от них, он дышал. Из щелей в его торсе вырывались струи пара, а в синем освещении его гидравлические манипуляторы казались залитыми кровью.

— Эй, консервные банки! — пророкотал он.

Его голос, усиленный динамиками, ударил по стенам, заставив "Синих" на мгновение замереть. Их протоколы не предусматривали оскорблений. В их базе данных не было команды "ответить на провокацию". Был только приказ "уничтожить угрозу". Эта миллисекундная пауза, вызванная невозможностью классифицировать поведение Торна, стоила им жизни.

— Перегрузка вокодера, — констатировал Марк, прячась за колонну. — Они зависли на семантическом анализе.

Торн не стал ждать окончания анализа. Он занес свою гидравлическую клешню и с размаху ударил по стене туннеля, из которого они вышли.

Он не просто ударил. Он вогнал титановые пальцы в армированный бетон, как нож в масло, вцепился в несущую балку и рванул на себя.

Свод туннеля вздрогнул. По потолку зазмеились трещины. Раздался оглушительный скрежет рвущегося металла, и на "Синих" обрушилась тонна строительного мусора, обломков кирпича и густой, едкой пыли из Подземки.

Идеальная синхронность дала сбой.

Двоих дронов, стоявших ближе всего к выходу, просто смело. Их завалило тонной породы, датчики ослепли, а приводы заискрили, зажатые многотонным весом.

Но "Синие" не были живыми. Они не запаниковали.

Заваленные дроны мгновенно переключилась на сонар и тепловизор. Оставшиеся четверо разорвали строй. Их синхронность распалась на тактическую гибкость. Двое ушли влево, заходя Марку во фланг, двое шагнули вправо, беря в клешни Торна.

— Они учатся, — выдохнул Марк, выпуская короткую очередь из наручного излучателя. Сгусток плазмы ударил "Синего" в грудь, расплавив часть хромированной обшивки, но не пробив внутренние слои. Андроид даже не покачнулся.

— Кира! — взревел Торн, принимая на свою титановую спину шквал плазменных зарядов. Ослепительные вспышки отражались от его брони, а гидравлика взвыла от перегрузки. — Сейчас! Дай мне белый шум!

Кира упала на колени прямо в стеклянную крошку. Боль от падения на колени была реальной, острой, и "Шумелка" транслировала ее в мозг без фильтров. Она вцепилась пальцами в свои виски, чувствуя, как холодный штекер в затылке раскаляется.

Она закрыла глаза.

Мир вокруг исчез. Остались только цифры.

Она видела "Синих" насквозь. Не как роботов, а как потоки данных. Она видела их тактическую сеть — пульсирующий синий кокон, связывающий их процессоры. Они обменивались данными о температуре брони Торна, о траектории выстрелов Марка, о плотности завала. Скорость их обмена была чудовищной.

Кира потянулась к этой сети своей "Шумелкой".

Она не пыталась взломать их. Она сделала хуже. Она начала транслировать им в порты связи саму себя. Свою панику. Свою боль в сбитых коленях. Звук собственного пульса, который не совпадал ни с одним эталонным ритмом. Запах озона и гниющей Подземки. Воспоминание о шершавой бумаге из Архива.

Она обрушила на их безупречную логику гигабайты абсолютно бесполезной, хаотичной, *живой* информации.

— Загрузка мусорного пакета, — констатировал голос "Синего" в ее голове, но на этот раз в нем появилась микропауза. — Анализ... Ошибка. Буфер переполнен.

Первый "Синий" замер. Его плазменная винтовка, нацеленная в голову Торна, дрогнула.

Второй дернул головой. Его оптические сенсоры на секунду расфокусировались, пытаясь обработать воспоминание Киры о вкусе синтетического кофе, которое "Шумелка" транслировала как массив химических формул.

— Вношу искажения в их матрицу распознавания "свой-чужой", — прохрипела Кира, чувствуя, как кровь течет из носа. — Они видят призраков. Торн, бей правого!

Торн больше не был просто куском металла. Для "Синих" он внезапно распался на двенадцать независимых тепловых сигнатур. Алгоритмы наведения сошли с ума, пытаясь поразить все цели одновременно.

Гигант воспользовался этим. Он проигнорировал тех, что были перед ним. С невероятной для его массы скоростью он развернулся на здоровой ноге и бросился на того "Синего", что завис справа.

Андроид начал поднимать оружие, но его протоколы все еще боролись с "белым шумом" Киры.

Торн врезался в него, как таран.

Удар был таким, что полиметаллический пол под ногами пошел волной. Титан встретился с хромом. Торн обхватил "Синего" своими манипуляторами, игнорируя тот факт, что

плазменные резаки андроида уже прожигали его бок, и с ревом, переходящим в скрежет перегруженного динамика, оторвал машину от земли.

— Марк! Опору! — взревел он.

Марк, чьи резаки уже перегрелись до вишневого свечения, понял все без лишних слов. Он метнулся к стене и ударил лезвием по силовому кабелю, питающему освещение узла.

Свет погас. Зал погрузился в первобытную тьму, освещаемую только вспышками короткого замыкания в груди Торна и синими дугами разрядов "Синих".

В этой темноте Торн швырнул "Синего" в его же собратьев.

Это была не драка. Это было разрушение. Идеальная синхронность "Синих" требовала визуального контакта и обмена данными. В темноте, ослепленные вспышками, заваленные собственным павшим товарищем и оглушенные хаотичным сигналом Киры, они превратились в слепых, бьющих наугад зверей.

Один из них выпустил залп плазмы. Заряд ударил в потолок, осыпав всех осколками полимера. Другой, пытаясь навестись на звук гидравлики Торна, расстрелял панель управления дверью.

— Узел запечатан! — крикнул Марк, лихорадочно вбивая команды в свой порт. — Внешние протоколы заблокированы! Мы в ловушке, но и они тоже!

Торн схватил оторванную плазменную винтовку поверженного "Синего". Оружие было слишком тяжелым и горячим для человека, но титан держал его легко. Он приставил ствол к голове ближайшего андроида, который пытался подняться из-под завала. — Ты слишком много думаешь, — пророкотал Торн и нажал на спуск.

Синий свет в фасеточных глазах стража погас. Голова разлетелась дождем из жидкого хрома и оптоволокна.

Осталось трое. Но они уже не были единым организмом. "Шумелка" Киры сожрала их коллективный разум, оставив трех одиноких, дезориентированных убийц.

— Я вскрыл аварийный протокол, — выдохнул Марк, падая на колени рядом с Кирой. — Дверь откроется через десять секунд. Но "Синие" сейчас перебьют друг друга. Останется тот, у кого охлаждение лучше.

— Значит, мы не будем ждать, пока он остынет, — прохрипел Торн. Он перехватил плазменную винтовку как дубину и пошел добивать тех, кто еще шевелился.

Кира сплюнула кровь. Ее мир сузился до белой боли в затылке. Она подняла голову. Прямо перед ней, в полу, мерцала стеклянная панель. Сквозь нее, глубоко внизу, в геотермальной шахте, бурлила магма.

Серверный узел. Физическое сердце Мегапрайма.

Пока Торн превращал "Синих" в металлолом, а Марк взламывал последние шлюзы, Кира, пошатываясь, подошла к панели. Она положила на нее ладонь.

Сквозь "Шумелку" она чувствовала его. Не как код. Как чудовищное, горячее, живое чудовище, запертое в клетке. Сердце города, которое Корпорат заставил биться по расписанию.

— Марк, — позвала она. — Мне нужен прямой доступ. Не к охранной системе. К ядру.

Марк поднял на нее залитое потом и кровью лицо. — Если я дам тебе доступ к ядру, Кира, оно сожрет твою "Шумелку" за секунду. Твоя голова просто вскипит. — Если мы не сделаем этого сейчас, — она кивнула на Торна, который с хрустом выламывал конечность последнему "Синему", — через пять минут здесь будет весь флот Департамента.

Марк посмотрел на нее, потом на панель в полу. Затем на свои руки. — Хорошо, — кивнул он. — Но я буду держать тебя за кабель. Если ты начнешь дергаться — я вырву штекер. Даже если оторву тебе полчерепа.

Торн закончил с последним андроидом. Тяжело дыша, он подошел к ним. Его титановая грудь была пробита в трех местах, из щелей сочилось масло и синтетическая кровь. — Сколько времени? — пророкотал он. — Достаточно, чтобы все закончить, — ответил Марк, вставляя свой кабель в разъем рядом с панелью. — Кира... добро пожаловать в ад.

Он замкнул цепь.

Белый свет, ярче тысячи солнц, ударил из-под пола, поглотив изувеченное тело Торна, залитый синей кровью Марк и стоящую на коленях Киру, которая, закричав, провалилась

в самое пекло цифрового бога.

Глава 8. Взлом

Распределительный щит Узла оказался не просто панелью управления. Это был алтарь.

Огромная, вросшая в стену конструкция из черного полированного стекла и пульсирующего оптоволокна. По ее поверхности бежали реки холодного синего света, складываясь в бесконечные строки машинного кода. Воздух вокруг гудел от напряжения такой плотности, что волосы на руках Киры встали дыбом, а "Шумелка" в ее затылке начала болезненно вибрировать, пытаясь экранировать электромагнитный шторм.

Марк упал на колени перед этим монолитом.

Его модифицированный правый глаз мгновенно утратил человеческий вид. Зрачок расширился, заполнив всю радужку, веки втянулись в орбиты, обнажая сложный механизм линзы. Из разъемов на его шее вырвались тонкие, гибкие кабели из жидкого металла. Они сами собой, словно живые змеи, метнулись к портам на щите и с влажным чавканьем погрузились в них.

Марк перестал дышать. Его тело обмякло, повиснув на кабелях, как марионетка.

— Они меняют протокол на лету, — выдохнул он через секунду, и его голос прозвучал искаженно, пропущенный че-

рез внешние динамики щита. — Это не просто защита. Это живой организм. Каждый раз, когда я нахожу брешь в алгоритме "А", система "Б" уже изолирует этот сектор и перестраивает всю архитектуру. Они используют квантовые вычисления. Я не успеваю. Слишком быстро.

По его лицу градом катился пот, смешиваясь с машинным маслом, сочившимся из его шеи. Синий глаз налился неестественным, ослепительным светом. — Если я попытаюсь форсировать взлом, — прохрипел он, — они поймут, что это не сбой, а вторжение. Сбросят давление в шахту. Нас испарит. Или того хуже — изолируют Узел. Мы застрянем здесь, а Корпорат снаружи просто заварит переборки. Будем гнить тут вечно, слушая, как бьется их сердце.

Торн, привалившийся к стене, издал звук, похожий на скрежет. Его гидравлика была пробита, левая рука висела на одних тросах, а из пробитого торса валил густой черный дым. Он потратил последние силы на "Синих" и теперь был лишь грудой умирающего титана. — Сколько? — пророкотал он, с трудом поднимая голову. — Пять минут, чтобы вскрыть внешнюю оболочку, — ответил Марк. — И вечность, чтобы пройти ядро. Я... я не справляюсь. Мой мозг кипит.

Кира сделала шаг к нему. Ее ноги подкашивались. "Белый шум", который она обрушила на "Синих", выжег ей половину нейронов. Перед глазами плыли красные круги, а в ушах стоял звон, в котором тонули звуки битвы. Но "Шумелка"

работала. Она чувствовала структуру щита.

Она видела то, чего не видел Марк. Он пытался взломать дверь, подбирая отмычки. Кира видела саму *петлю*, на которой держалась эта дверь.

— Отойди, — ее голос прозвучал тихо, но в наступившей тишине гудящего щита он резанул по нервам.

Марк попытался мотнуть головой, но кабели держали его крепко. — Кир, не лезь. Твоя "Шумелка" — это аналоговый резонатор. Ты не взломщик. Ты сломаешь себе голову за секунду. Это ядро сожрет тебя. — Я дам тебе время, — повторила она.

Она не стала ждать его разрешения.

Кира сорвала со спины плазменную резку.

Это было оружие "Синих", которое она подобрала в суматохе боя. Тяжелый, угловатый агрегат, предназначенный для того, чтобы плавить броню, а не для тонких манипуляций. Кира перехватила его обеими руками. Индикатор заряда горел желтым — перегрев.

— Что ты делаешь?! — рявкнул Марк, пытаясь вырвать кабели.

Кира не ответила. Она сделала еще один шаг и приставила раскаленное сопло резака к собственному левому предплечью.

Она нажала на спуск.

Раздалось оглушительное шипение. Сверхзвуковая плазма, температура которой достигала трех тысяч градусов, уда-

рила в ее плоть. Запахло озоном и мгновенно сгоревшим кератином. Боль была запредельной, первобытной, затмевающей все. Наноботы в ее руке взвыли от повреждения, посылая в мозг сигналы критического разрушения тканей, но "Шумелка" на затылке перехватила этот крик и трансформировала его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.